

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-1-77-82

ЭЛИТНАЯ БОРЬБА И СТАБИЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В УЗБЕКИСТАНЕ

С.П. Базылева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Кончина Президента Узбекистана Ислама Каримова, официальное сообщение о которой появилось во второй половине дня 2 сентября, невольно заставила задаться вопросом о его преемнике, и главное о преемственности курса. Внешне в стране царят мир и порядок. Ислам Каримов выстроил стабильную систему, авторитарный режим. Эта стабильность обусловлена прагматичностью представителей самой узбекистанской хунты. Особую роль в экономике и политике Узбекистана играет клановая система, которая формировалась на протяжении последних 100—120 лет по территориальному принципу, и выходцы которой сегодня представляют политическую элиту страны. В статье будет рассмотрена элитная борьба и стабильность политического режима в Узбекистане, существующие на сегодняшний день.

Ключевые слова: Узбекистан, лидер, политический режим, президент, элита, хунта

Как известно, А. Акаев, долгие годы возглавлявший соседнюю Киргизию, утверждал, что и выборы, и дальнейшее развитие Узбекистана вполне предсказуемы, страна может рассчитывать на «пять-десять лет» стабильности. Гарантом тому — выстроенная И. Каримовым устойчивая политическая система как самое ценное его наследие [5].

Между тем не стоит исключать из внутривнутриполитической расстановки сил в Узбекистане оппозицию, которая не только заявляет о своих намерениях, но и строит альянсы, намереваясь подключить к диалогу «новые оппозиционные силы».

В большинстве своем эксперты согласны с тем, что современные институты — СМИ, нормы права и судебная система, конституция, партии, парламент, выборы — играют в Узбекистане декоративную роль [6. С. 90]. Подлинная политика в этой, как и многих других постсоветских странах, делается за непроницаемыми для постороннего взгляда стенами президентской резиденции Ак-Сарай и определяется двумя факторами:

во-первых, действиями и решениями самого президента, сочетающего в себе черты традиционного правителя досоветского периода и первого секретаря ЦК республиканской компартии;

во-вторых, взаимодействием неформальных группировок, возникающих в элитных слоях, друг с другом и с высшим руководством страны. На данный момент неофициально власть в стране принадлежит последним.

Власть в Центральной Азии, отмечается в одном из докладов ПР ООН, «неформально децентрализована и распределена по клановым структурам» [1. С. 198].

Элиты стран южной периферии бывшего СССР структурированы в виде устойчивых неформальных групп, формирующихся на основе семейно-родственных связей, территориальной общности происхождения и/или совместной карьеры в бюрократическом аппарате [1. С. 199]. Нередко эти факторы связаны друг с другом: семейные отношения во многих случаях возникают в районах совместного проживания, а дальние и близкие родственники, являющиеся одновременно выходцами из одной и той же местности, поддерживают один другого в бизнесе или карьере. Фактически такого рода кланы представляют собой иерархически организованную совокупность клиентелл, для которых характерны высокий уровень внутренней солидарности и лояльность по отношению к патронату. Принадлежность к ним является важным, а в ряде случаев необходимым условием для рекрутирования в элиту и продвижения по карьерной лестнице (рис. 1).

Рис. 1. Карта разобщенности политической элиты Республики Узбекистан
Fig. 1. Map of the fragmentation of the political elite of the Republic of Uzbekistan

Особую роль в экономике и политике Узбекистана играют три региона — Ферганский, Ташкентский и Самаркандско-Бухарский. В них в совокупности производится почти 75% ВВП и проживает более 60% населения. Соответственно, региональные элиты контролируют основные экономические ресурсы страны и связанные с ними финансовые потоки, а выходцы из этих регионов составляют большую часть центрального бюрократического аппарата.

В этих регионах сформировались ключевые элитные кланы, точнее своеобразные клановые конгломераты, играющие в Узбекистане доминирующую роль: ташкентский, самаркандско-бухарский, в котором преобладают самаркандские

группировки, и ферганский. Частью самаркандского конгломерата обычно считают джизакский клан, место которого в политической жизни Узбекистана обусловлено тем, что уроженцем Джизакской области был Шараф Рашидов, харизматичный первый секретарь ЦК республиканской компартии в 1959—1983 гг.

Самаркандско-бухарский клановый конгломерат исторически связан с элитами бывшего Бухарского эмирата, а ферганский и ташкентский — Кокандского ханства. Некоторые входящие в них семейные группировки ведут свое происхождение от аристократических и купеческих семей, а также ходжей — потомков исламских миссионеров арабского и персидского происхождения, породнившихся с местной феодальной верхушкой [б. С. 93].

Сегодня, после смерти бессменного лидера Ислама Каримова, стабильность Узбекистана для народа этой страны является наивысшим приоритетом, которая, в свою очередь, зависит от политической элиты страны.

Вопрос в том, понимают ли это люди, которые придут после Каримова? Впрочем, уже хорошо то, что они есть. Судя по всему, после смерти Президента власть в своих руках сосредоточит некая «узбекская хунта» в лице высокопоставленных чиновников и, что наиболее важно, силовиков.

По словам КИСИ при Президенте РК, Саната Кушкumbaева, «В Узбекистане существуют элиты и элитные группы, и, пусть, возможно, мы не видим внутренние процессы, но в целом Ислам Каримов выстроил стабильную систему, и мы не ожидаем резкой смены курса. По крайней мере, в среднесрочной перспективе» [4]. Эта стабильность обусловлена прагматичностью представителей самой узбекской хунты. Они, конечно, могут передрасться между собой, а самые одаренные из них использовать для внутренней борьбы «прикормленные» исламистские группировки. Однако они прекрасно понимают, что тем самым подорвут основной столп своей легитимности — стабильность, ради сохранения которой население Узбекистана и его элиты готово будет и дальше терпеть авторитарный режим. Поэтому представители хунты скорее наоборот попытаются консолидировать позиции и избегать внутренних противоречий.

Скорее всего, постоянно ранее циркулирующие в ташкентском бюрократическом бомонде слухи о желании И. Каримова передать пост президента своей старшей дочери Гюльнаре в свете происходящих событий не оправдаются. Такой вариант, бесспорно, был бы оптимальным и для самого И. Каримова, и для его семьи.

Старшая дочь Президента за время правления папы стала самой ненавидимой VIP-персоной Ташкента (отчасти из-за ее стремления прибираться к рукам любой понравившийся бизнес). В последние годы Гульнара Каримова серьезно раскачивала ситуацию, пытаясь протолкнуть на роль преемника папы своего двоюродного брата, попутно дискредитируя политических соперников. И дошла до того, что стала играть в правозащитницу, заявила о попытках ее врагов манипулировать самим Исламом Каримовым, после чего отец сделал ей серьезный выговор и посадил под домашний арест. Если Гульнара Каримова продолжит свои интриги, власть будет к ней гораздо менее терпима [4]. И не исключено, что ей придется покинуть страну.

Данный сценарий основан на комбинации рисков «Кризис передачи верховной власти», «Персоналистский характер режима» и «Межклановые конфликты» [3. С. 47].

К наиболее значимым проблемам режима относится запрограммированный характером политической системы кризис передачи власти.

Персоналистский характер режима является дополнительным фактором, ухудшающим стабильность в момент передачи власти, фактором, провоцирующим разрушительные клановые конфликты. Повторимся, сегодня можно констатировать, что операции «преемник» в Узбекистане не существует. И даже если она начнется и «преемник» будет назначен с согласия всех кланов, с большой долей вероятности первое время своего правления президент будет слаб, а клановая война может вернуться с новой силой.

Нельзя исключать, что усиление межклановых конфликтов может спровоцировать межрегиональные конфликты и сепаратизм, особенно в Ферганской долине, так как там наиболее взрывоопасная социально-политическая ситуация, а ферганский клан оттеснен от рычагов власти в стране бухарско-самаркандским и ташкентским кланами. Кровавые события в Андижане показали, что роль кланового фактора и экономики «базара» выше, чем фактор борьбы за права человека и демократию. Многие считают, что именно оттеснение представителей андижанского клана (которые, по разным версиям, имеют разногласия с ферганским кланом) от экономических потоков привело к столкновениям.

Политическое будущее Узбекистана зависит от того, смогут ли в критический момент ключевые группировки договориться между собой относительно кандидатуры будущего президента. Политический кризис в Узбекистане если и не неизбежен, то вполне вероятен.

На сегодняшний день принято решение следовать Конституции, страна не пошла по туркменскому сценарию. Это говорит о том, что основные игроки договорились. Однако говорить о том, появится ли у Узбекистана новый лидер, сравнимый по влиянию с Каримовым, пока рано [2].

Силовики во главе с Рустамом Иноятовым и и.о. президента Шавкатом Мирзияевым, бывшим премьер-министром, находятся в альянсе. Однако как будет складываться ситуация через несколько месяцев, не вступят ли основные политические силы в конкурентную борьбу, тем более опираясь на клановую структуру — ответ на этот вопрос сегодня вряд ли может быть однозначным.

Р. Иноятов является наиболее сильным и влиятельным человеком в стране, в подчинении которого находятся в том числе и элитные подразделения спецназа. Еще одним политиком национального масштаба является первый заместитель премьер-министра Рустам Азимов. Во многом именно взаимодействие этого триумвирата определило, кто стал преемником И. Каримова.

Более вероятным является все-таки преодоление кризиса передачи власти на одном из этапов, что не даст развернуться кровопролитному сценарию в полную силу. Ведь такое развитие событий было бы равносильно добровольному само-

убийству всей узбекской элиты, на что она вряд ли пойдет. Это демонстрирует, например, тихий и бескровный переход власти после смерти Туркменбаши в соседнем Туркменистане (хотя надо учесть, что эта передача прошла безболезненно во многом благодаря масштабным репрессиям, зачистившим при С. Ниязове политический ландшафт, что заведомо невозможно в таких же масштабах в Узбекистане).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] В будущее без барьеров. Региональное сотрудничество в области человеческого развития и обеспечения человеческой безопасности // Региональное бюро ПРООН по странам Европы и Содружества независимых государств. 2007.
- [2] Минченко Е., Петров К., Казанцев А. Доклад инвестиционный потенциал Узбекистана 2013. МИПЭ, 2013.
- [3] Федоров Ю. Узбекистан: нестабильный фактор стабильности // Индекс безопасности. № 3—4. (102—103). Том 18.
- [4] Гуцин А. Как изменится политический курс Узбекистана? // Официальный электронный ресурс Евразия. Эксперт. Режим доступа: <http://eurasia.expert/kak-izmenitsya-politicheskiy-kurs-uzbekistana>.
- [5] Мирзоян Г. После Каримова // Эксперт (электронная версия журнала). Режим доступа: <http://expert.ru/2016/09/1/posle-karimova>.
- [6] Узбекистан: раскачает ли «демократическая оппозиция» стабильность? // Мир перемен: международный научно-общественный журнал (электронная версия). Режим доступа: <http://mirperemen.net/2016/09/uzbekistan-raskachaet-li-demokraticheskaya-oppoziciya-stabilnost>.

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-1-77-82

ELITE STRUGGLE AND STABILITY OF THE POLITICAL REGIME IN UZBEKISTAN

S.P. Bazyleva

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The death of the President of Uzbekistan Islam Karimov, an official announcement which appeared in the second half of the day September 2 — involuntarily forced to wonder about his successor and most importantly, about the continuity of the course. Externally, in the country there is peace and order. Islam Karimov has built a stable system, authoritarian regime. This stability is due to the pragmatism of the Uzbek members of the junta. A special role in the economy and politics of Uzbekistan plays a clan system which has evolved over the last 100—120 years according to the territorial principle and immigrants, which today represent the political elite of the country. The article examines Elite struggle and the stability of the political regime in Uzbekistan available today.

Key words: Uzbekistan, leader, political regime, the President, the elite, the junta

REFERENCES

- [1] V budushhee bez bar'erov. Regional'noe sotrudnichestvo v oblasti chelovecheskogo razvitija i obespechenija chelovecheskoj bezopasnosti. *Regional'noe bjuro PROON po stranam Evropy i Sodruzhestva nezavisimyh gosudarstv*; 2007 (in Russ.).

- [2] Minchenko E., Petrov K., Kazancev A. *Doklad investicionnyj potencial Uzbekistana 2013*. MIPJe; 2013 (in Russ.).
- [3] Fedorov Ju. Uzbekistan: nestabil'nyj faktor stabil'nosti. *Indeks bezopasnosti*; 3—4 (102—103); Tom 18 (in Russ.).
- [4] Gushhin A. Kak izmenitsja politicheskij kurs Uzbekistana? *Oficial'nyj jelektronnyj resurs Evrazija. Jekspert*. Available from: <http://eurasia.expert/kak-izmenitsya-politicheskij-kurs-uzbekistana> (in Russ.).
- [5] Mirzojan G. Posle Karimova. *Jekspert*. Available from: <http://expert.ru/2016/09/1/posle-karimova> (in Russ.).
- [6] Uzbekistan: raskachaet li «demokraticeskaja oppozicija» stabil'nost'? *Mir peremen: mezhdunarodnyj nauchno-obshhestvennyj zhurnal*. Available from: <http://mirperemen.net/2016/09/uzbekistan-raskachaet-li-demokraticeskaya-oppoziciya-stabilnost> (in Russ.).